

Бурукина Ольга Алексеевна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

г. Москва

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА:
ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ТЕХНОЛОГИИ**

Аннотация: автор подчёркивает, что в современном глобальном ландшафте, отмеченном сложными асимметричными конфликтами, а также расширяющимся распространением и использованием автономного оружия, Женевские конвенции 1949 года получают особое значение, отражая растущую актуальность международного гуманитарного права (МГП) в быстро меняющемся мире.

Отмечается, что Женевские конвенции были разработаны для рассмотрения и регулирования поведения негосударственных субъектов в связи с нормами, касающимися ведения военных действий. Однако сегодня международное сообщество не всегда принимает во внимание, как именно негосударственные субъекты понимают, ценят и соблюдают эти нормы.

Делается акцент на сложившуюся новую реальность вооруженного конфликта, возрастающую роль негосударственных субъектов и образовавшиеся лазейки в законодательстве, которые во многом препятствуют применению МГП. При этом сложность новых вызовов затрудняет процесс классификации вооруженных конфликтов и создает дополнительные трудности в определении того, какие именно принципы и правила могут и должны применяться в каждом конкретном случае. Применение новых видов вооружения – беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), боевых роботов, военных космических технологий, а также кибертехнологий – поднимает ряд важных правовых вопросов и гуманитарных проблем.

Уделено внимание тому факту, что в сложившейся ситуации в мире возникает недопонимание относительно того, требует ли участие в вооруженных конфликтах негосударственных субъектов и новых средств ведения войны пересмотра МГП или существующих норм достаточно, чтобы с уверенностью отвечать на новые вызовы.

Ключевые слова: *развитие МГП, асимметричный вооруженный конфликт, ключевые факторы, нарушение принципов МГП, автономные системы вооружений (АСВ), новые сценарии вооруженных конфликтов.*

Введение. В настоящее время вооруженные конфликты динамично развиваются, в том числе в силу значительных изменений в методах и способах ведения войн. В большинстве современных вооруженных конфликтов участвует множество субъектов с разным военным потенциалом. Эта асимметрия побуждает уступающую по силе сторону военного противостояния использовать тактики ведения войны, нарушающие принципы МГП*, чтобы компенсировать недостаток материальных средств, ресурсов и боеспособности.

*Примечание. * В целях терминологической согласованности в данной статье в основном используется термин «Международное гуманитарное право» (МГП) для обозначения области права, касающейся норм и принципов, регулирующих вооруженный конфликт. Эту область права также часто называют Правом вооруженных конфликтов (ЛОАС), Правом войны, или *jus in bello*.*

Это также связано с тем, что современные вооруженные конфликты, или «новые войны» часто характеризуются не только (и не столько) целью завоевания территории или достижения военной победы в классическом смысле (когда одна сторона вынуждена подчиняться превосходящему по силе противнику), но зачастую связаны с обретением независимости, укреплением национальной идентичности, проведением этнической чистки или реализацией террористических актов. При этом традиционные цели разгрома сил противника и получения или сохранения контроля над территорией по-прежнему актуальны, в том числе для негосударственных субъектов. Например, для так называемого Исламского

государства (ИГИЛ) территориальный контроль является стратегическим приоритетом.

Цель государств, участвующих в вооруженных конфликтах с такими группировками, часто состоит в том, чтобы сдержать угрозу, создаваемую подобной тактикой, вернуть и удержать территории, которые могли быть захвачены противниками, снизить их способность проводить эффективные операции и, в конечном итоге, нанести им поражение, что часто уже не ограничивается достижением традиционной военной победы. Более того, в современных асимметричных вооруженных конфликтах ведение боевых действий все чаще осуществляется параллельно с операциями правоохранительных органов.

Таким образом, центральным вопросом является степень, в которой правила, регулирующие ведение боевых действий, нуждаются в уточнении, как с точки зрения сферы их применения, так и их основных характеристик. Хотя некоторые аспекты этого вопроса были исследованы ранее, на сегодняшний день по-прежнему не хватает последовательного и более принципиального подхода к вызовам войн XXI века [1].

В центре внимания МГП находятся фактические правила ведения боевых действий с учетом проблематики, описанной выше. В этом контексте целью данной статьи является не всестороннее рассмотрение всей совокупности разнообразных вопросов, возникающих в связи с ведением боевых действий, а сосредоточение внимания на отдельных вопросах, в изучении которых, по мнению автора, назрела необходимость и/или создан потенциал для дальнейшего уточнения.

Принимая во внимание тот факт, что сфера применения принципов защиты жертв международных вооруженных конфликтов (API) ограничена Ст. 48 и Ст. 49 Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., мы разделяем мнение Г. Оласоло, Р. Хайнриха, В. Хайнегга и Я.К. Клеффнера (2017), что нормы обычного права, регулирующие ведение боевых действий, применимы во всех условиях ведения войны [2], т. е. на суше, в воздухе, на море, а также в космосе и киберпространстве**.

Примечание. ** См. также *Doswald-Beck, L. & Henckaerts, J. M. ICRIC, Customary International Humanitarian Law, (vol 1, CUP 2005) Rules 7, 8 (ICRC Customary IHL) p. xxxvi: «Тем не менее, полезными для оценки правил обычного характера, применимых ко всем видам войны, можно считать и общие правила, содержащиеся в руководстве [Сан-Ремо Руководство по военным действиям на море / San Remo Manual on Naval Warfare]»; см. также Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойне (CUP 2013) / M.N. Schmitt (ed), Tallinn Manual on International Law Applicable to Cyber Warfare (CUP 2013) и Программу гуманитарной политики и исследования конфликтов Гарвардского университета / Program on Humanitarian Policy and Conflict Research at Harvard University,, «Руководство по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне» (Гарвардский университет, 2009 г.) / 'Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare' (Harvard University 2009), <http://ihlresearch.org/amw/HPCR%20Manual.pdf> (дата обращения: 4.8.2020).*

Совокупность назревших проблем, связанных с правилами ведения боевых действий, включает в себя значение и толкование терминов «военные цели», «принцип соразмерности», «меры предосторожности», а также «меры предосторожности против последствий нападений/атак» и «запрещение неизбирательных нападений/атак».

Изменившиеся сценарии вооруженных конфликтов. Характер вооруженных конфликтов начал изменяться уже после Второй мировой войны, но еще более масштабные изменения начали происходить после окончания холодной войны. Мы стали свидетелями перехода от классических межгосударственных войн к вооруженным конфликтам, которые больше не характеризуются наличием двух равных армий с каждой стороны. В настоящее время в большинстве конфликтов участвует (в военном отношении) превосходящая сторона, обычно правительственные войска, которым противостоят вооруженные повстанческие группы (борцы за свободу) или террористические ячейки – стороны, традиционно характеризующиеся более слабым положением [3].

Присущая этим конфликтам асимметрия создает для более слабой стороны соблазн использовать военную тактику, нарушающую нормы МГП, дабы компенсировать недостаток денежных средств, материальных ресурсов и комбатантов. Это связано с целью современных вооруженных конфликтов: сегодня

«новые войны» по большей части не характеризуются стремлением завоевать территории или достичь военных побед в классическом смысле, а чаще связаны с достижением независимости, укреплением национальной идентичности, этнической чисткой территории, распространением террора и освещением его в глобальных СМИ с целью придания гласности деятельности добывающихся этого террористических группировок [2].

Хотя право вооруженных конфликтов уже определенным образом адаптировалось, установив особые правила для немеждународных вооруженных конфликтов, необходимо иметь в виду, что III Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907, касающаяся средств и методов ведения войны (также как и остальные Гаагские конвенции), была в основном разработана для регулирования межгосударственных войн. Несмотря на то, что в настоящее время считается, что некоторые из этих правил в равной степени применимы к немеждународным вооруженным конфликтам, изначально они не были сформулированы для охвата такого рода конфликтов и поэтому не всегда соответствуют их контекстуальным особенностям. Более того, в современных асимметричных конфликтах ведение боевых действий все чаще пересекается или совпадает с операциями правоохранительных органов [3].

Таким образом, центральный вопрос в данном аспекте заключается в том, является ли МГП, регулирующее ведение боевых действий, по-прежнему адекватным для урегулирования современных конфликтов или оно нуждается в пересмотре или изменении? Хотя некоторые составляющие этого вопроса были исследованы ранее, в настоящее время по-прежнему не хватает последовательного и более принципиального подхода к вызовам войн XXI века.

Поскольку наряду с национальными вооруженными силами в конфликты нового типа вовлечены негосударственные субъекты, частично сливающиеся с гражданским населением, правовые основы, регулирующие ведение боевых действий, включая принцип проведения различия, запрещение неизбирательных нападений, принцип соразмерности и обязательство принимать активные

меры предосторожности при нападении требуют более внимательного изучения [1].

В данном контексте возникают три общие темы: взаимосвязь международного гуманитарного права (МГП) и международного права в области прав человека (МППЧ) при проведении военных операций, технологические проблемы, создаваемые новыми системами вооружений, и функция основных принципов МГП при ведении боевых действий. Внимания также требуют вопросы взаимосвязи МГП с общим международным правом и места МГП в правовом «множестве», окружающем современные многонациональные военные операции.

В рамках МГП в проблематике ведения боевых действий в условиях современной войны в качестве основных также можно выделить следующие вопросы: «военная цель» в проблематике МГП, «меры предосторожности при нападении / атаке» и вопрос «соразмерности согласно МГП» [2].

Политические факторы, детерминирующие развитие МГП. Совокупность политических факторов, детерминирующих развитие МГП в сложившихся на сегодняшний день условиях, включает в себя (1) изменение характера вооруженного конфликта, (2) изменение баланса сил благодаря новым методам и способам ведения войны, (3) рост насилия и усугубление человеческих страданий, (4) политизацию МГП и (5) углубляющееся открытое «неуважение» к принципам и правилам МГП. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Вовлечение внешних игроков в военные конфликты приводит к дальнейшей фрагментации политического и военного ландшафта и способствует росту экстремизма и насилия. Хотя глобальная война с терроризмом***, в частности с ИГИЛ, дала ощутимые результаты, умножение активных военных субъектов на местах или групп, поддерживаемых правительствами-марионетками, продолжается и может стать серьезным препятствием на пути к согласованному политическому урегулированию.

Примечание. *** Заметим, что широкое использование фразы «глобальная война с терроризмом» в первую очередь в американском политическом дискурсе привело к некото-

рому недопониманию применимости принципов МГП к определенным ситуациям. «Глобальная война с террором» – это политизированное словосочетание, а не юридический термин. Таким образом, «глобальная война с террором» вооруженным конфликтом не является, хотя в ее рамках инициируется и реализуется значительное количество вооруженных конфликтов.

При этом необходимо отметить, что сегодня гражданские лица по-прежнему несут на себе основную тяжесть вооруженных конфликтов. Гражданские лица остаются основными жертвами нарушений МГП, совершаемых как государствами – участниками вооруженных конфликтов, так и негосударственными вооруженными группировками. Умышленные нападения на мирных жителей, насильственное перемещение гражданского населения, разрушение инфраструктуры, жизненно важной для гражданского населения, и гражданского имущества – вот лишь некоторые примеры запрещенных действий, совершаемых на регулярной основе [4].

Несмотря на недавние успехи в укреплении способности ООН защищать гражданских лиц, конфликты во всем мире по-прежнему характеризуются «повсеместным неуважением» к основным принципам МГП [5].

Отдельные гражданские лица также стали жертвами таких преступлений и правонарушений, как убийства, насильственные исчезновения, пытки, жестокое обращение и посягательство на человеческое достоинство, а также изнасилования и другие формы сексуального насилия. Участники вооруженных конфликтов использовали гражданское население как живые щиты. Лица, взятые в плен в ходе вооруженных конфликтов, нередко были лишены основных прав, гарантируемых МГП, включая надлежащие условия содержания и обращения во время заключения под стражей, процессуальные гарантии, направленные на предотвращение произвольного задержания, и права на справедливое судебное разбирательство [6].

Медицинский персонал и работники гуманитарных организаций тоже неоднократно становились объектами нарушений МГП. Во многих случаях гуманитарным организациям мешали осуществлять свою деятельность или препятствовали их усилиям по обеспечению эффективности. Это еще больше усугу-

было тяжелое положение тех, кому они призваны помогать и защищать. Нападения на журналистов и других представителей СМИ также вызывают растущую озабоченность мировой общественности [4].

Обеспечение ответственности за нарушения международного права также остается серьезной проблемой, при этом основная обязанность по расследованию и судебному преследованию виновных в таких нарушениях лежит на национальных властях. Однако относительно небольшое количество судебных преследований на национальном уровне подчеркивает необходимость того, чтобы ООН и государства – члены ООН увеличили финансовую и организационную поддержку [6].

Несмотря на значительный прогресс в нормативной и политической областях, действительность на местах по-прежнему отражает острую нехватку правовой защиты. Многие вооруженные конфликты сегодня становятся все более затяжными и сложными. В результате человеческие страдания нарастают. Однако «ни сложность и неразрешимость многих сегодняшних конфликтов, ни бремя глобального экономического кризиса не могут служить оправданием для того, чтобы государства игнорировали свою главную ответственность перед людьми, затронутыми этими конфликтами» [5]. Поэтому важнейшей задачей защиты гражданского населения является повышение уважения к МГП со стороны государств и негосударственных вооруженных группировок [там же].

В этой связи в последние годы усилилось внимание общественности к МГП и его основным принципам – и, следовательно, к действиям, которые представляют собой нарушения этих норм. Принципы и стандарты МГП находятся в центре внимания не только привычных дискуссий экспертов, но и все более интенсивного и всестороннего контроля со стороны правительств, академических кругов и средств массовой информации [6].

Тот факт, что вопросы развития МГП сегодня вышли за пределы экспертных кругов и полностью стали достоянием общественности, означает, однако, что риск политизированного толкования и применения его норм также увеличился. Последние несколько лет ярко свидетельствуют об этой общей тенден-

ции. Так, уже в XXI в. имели место случаи, когда государства отрицали применимость МГП к определенным ситуациям, хотя факты ясно указывали на то, что имел место вооруженный конфликт. В других случаях государства пытались расширить сферу применения МГП, включив в него ситуации, которые, исходя из фактов, нельзя было классифицировать как вооруженные конфликты [5].

Помимо разногласий по вопросу о том, как квалифицировать конкретную ситуацию применения насилия с юридической точки зрения, также имело место то, что можно назвать лишь *оппортунистически неверным толкованием* отдельных проверенных временем правовых норм. Тенденция одних субъектов указывать на нарушения, предположительно совершенные другими, не демонстрируя при этом никакой готовности признать продолжающиеся нарушения, также наносит ущерб надлежащему применению МГП [6].

Следует подчеркнуть, что политизация МГП противоречит сути этого свода правил. Основными бенефициарами МГП являются гражданские лица и лица *hors de combat**. Сама конструкция МГП основана на идее, что определенные категории лиц должны быть по возможности избавлены от последствий вооруженного насилия, независимо от того, к какой стороне они принадлежат, и независимо от того, какое оправдание дается тому или иному вооруженному конфликту. Неприменение или выборочное применение МГП, как и неправильное толкование его норм для внутренних или иных политических целей может оказать и неизбежно оказывает прямое воздействие на жизнь и благополучие тех, кто изначально не участвовал или перестал участвовать в вооруженном конфликте [7].

*Примечание. * Комбатанты, вышедшие из боя.*

Фрагментарный подход к МГП противоречит основополагающему принципу гуманности МГП, который должен в равной мере применяться ко всем жертвам вооруженного конфликта для сохранения им своего изначального смысла. Стороны в вооруженных конфликтах не должны упускать из виду тот факт, что, в соответствии с самой логикой МГП, политизированное или иным

образом искаженное толкование правовых норм в редких случаях, если вообще когда-либо, может иметь влияние только на противоположную сторону. Нередко наступление событий, когда пагубным последствиям взаимной политизации или преднамеренного искаженного толкования МГП подвергаются собственные захваченные в плен комбатанты и гражданские лица, является лишь вопросом времени [6].

Технологический скачок как детерминант эволюции МГП. В современном мире поляризация властных отношений вкупе со стремительным развитием науки и технологий могут поставить под сомнение способность МГП адаптироваться к регулированию поведения людей, особенно в самых драматических условиях – условиях войны. Однако даже в эту эпоху глобальных изменений и широкомасштабного научного прогресса не должна терять своей актуальности фундаментальная идея, лежащая в основе правил и принципов МГП, – что *даже войны должны иметь пределы.*

Развитие технологий привело к появлению новых методов и средств ведения войны, таких как кибератаки, вооруженные дроны и боевые роботы, что порождает новые гуманитарные и правовые проблемы. При разработке новых средств или методов ведения войны или приобретении любого нового оружия, жизненно важно, чтобы государство оценило, соответствуют ли его цели и действия МГП. Однако применение ранее существовавших правовых норм к новым технологиям может поставить вопрос о том, достаточно ли четко сформулированы правила МГП в свете конкретных характеристик инновационных технологий и их прогнозируемого гуманитарного воздействия.

Новые виды вооружений (БПЛА** и БАРС***) увеличили расстояние между атакующим и целью; поле битвы, кажется, теперь повсюду. Технологические инновации спровоцировали ряд вопросов: (1) Возможно ли применение военной силы где угодно? (2) Способны ли новые средства ведения боевых действий проводить различие между комбатантами и гражданскими лицами? (3) Способны ли разрабатываемые виды вооружений с интегрированным искусственным интеллектом отказываться от рационального выбора и «проявлять

милосердие» по отношению к комбатантам и некомбатантам? и др. Некоторые из этих вопросов уже поднимались в 1990-е гг. в связи с распространением не-международных вооруженных конфликтов этнического характера, создающих представление о том, что МГП не адаптировалось к «новым формам войны» [8].

*Примечание. ** БПЛА – беспилотные летательные аппараты;*

**** БАРС – боевые автономные роботизированные системы.*

С начала 2000-х гг. МГП столкнулось с новыми вызовами: войной с терроризмом, кибервойной и роботизацией поля боя. Целенаправленные убийства с помощью дронов и подозрения (как обоснованные, так и безосновательные) о проведении государственными и негосударственными субъектами кибератак показывают значимость использования новых средств и методов ведения войны. Эти новые средства и методы ведения боевых действий неизбежно влияют на характер вооруженных конфликтов и создают проблемы для МГП. По мнению некоторых исследователей, они фактически могут привести к развитию такой глобальной ситуации, что МГП не сможет эффективно регулировать их применение [3].

Однако на сегодняшний день лишь несколько стран создали официальные механизмы регулирования нового оружия и три десятка стран выступили за полный запрет автономного оружия*. В 2006 году, чтобы помочь государствам, на основе консультаций с экспертами из десяти стран в области военного и международного права МККК** подготовил Руководство по правовой экспертизе нового оружия, средств и методов ведения войны [9].

*Примечание. * В октябре 2019 г. на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и международной безопасности в Нью-Йорке Намибия добавила свое имя в список 30 государств, стремящихся запретить полностью автономное оружие.*

*** Международный Комитет Красного Креста (The International Committee of the Red Cross (ICRC)).*

Как известно, Дополнительный Протокол I*** не регламентирует, как именно каждое государство-подписант должно определять законность применения новых видов вооружения, средств и методов ведения войны, которые оно исследует, разрабатывает, приобретает и/или принимает на вооружение. Каж-

дое государство может создать свой собственный механизм проведения экспертизы. Однако это обязательство подразумевает, что должна существовать постоянная процедура, обязательная для разработок или закупок любого оружия.

*Примечание. *** Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 / Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), принят 8.06.1977.*

Хотя Руководство не является окончательно сформированной международной нормой, регламентирующей, как именно следует проводить экспертизу нового оружия, средств и методов ведения войны, оно отражает собственное толкование МККК соответствующих юридических требований, а также опыт и практику тех государств, которые к настоящему моменту установили процедуры проверки вооружений. Есть надежда, что данное Руководство значительно увеличит число государств, создающих национальные механизмы экспертизы новых технологий в области вооружений [там же].

Экономические факторы, влияющие на развитие МГП. В настоящее время растет количество фундаментальных моральных, этических, правовых, технических, эксплуатационных и пр. проблем, вызываемых потенциальной возможностью создания и распространения автономных систем вооружения, а вместе с ними растет и угроза международной стабильности.

Однако на фоне разнообразных проблем и факторов, обуславливающих развитие МГП на современном этапе, помимо политических и технологических, выделяются и экономические причины: несмотря на высокую стоимость, АСВ позволяют сэкономить больше на стоимости подготовки и обеспечения вооруженных сил, страховок комбатантов и на лечении и реабилитации раненых. АСВ, созданные на основе искусственного интеллекта, более четко выполняют приказы, точнее выбирают цели и аккуратнее наносят смертоносные удары.

Тем не менее, 9 июля 2019 Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приняла декларацию, в которой содер-

жится призыв к 57 странам – членам ОБСЕ «поддержать международные переговоры о запрещении летального автономного оружия» [5].

На восьми встречах, проведенных ООН в Женеве с 2014 г., государства, принимавшие участие в заседании Конвенции по обычным вооружениям (КНО), обсуждали необходимость и возможности установления контроля над полностью автономными системами вооружений (АСВ).

Большинство государств, участвующих в дипломатических переговорах по АСВ, выразили твердое желание вести переговоры по созданию нового договора, который позволил бы регулировать растущую автономию вооружений.

Однако экономическая выгода и политическое превосходство, которые сулит обладание АСВ, способны возобладать над доводами рассудка. Так, поскольку и США, и Россия вкладывают значительные средства в разработку АСВ, снижающих контроль человека над важнейшими функциями выбора и поражения целей, представители обоих государств неоднократно отвергали возможность внесения в итоговый отчет заседания КНО любых упоминаний о необходимости «человеческого контроля» над применением силы.

Так, на заседании КНО в июле-августе 2019 г. представитель РФ заявил, что обсуждать потенциальную опасность летальных автономных систем вооружения «до тех пор, пока они не будут произведены, преждевременно». Он также выразил уверенность, что автономия не является характерной или ключевой характеристикой летальных автономных систем вооружения [10].

Если роботы-убийцы станут доступны, например, если сложатся условия, в которых эти технологии будет легко получить и/или изготовить, то последствия, безусловно, окажутся крайне негативными и плохо предсказуемыми [11] – так что уже сегодня необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить их распространение.

Выводы. За последние 150 лет война как конфликт между политическими образованиями (государствами, политическими организациями и т. д.), происходящий в форме вооружённого противоборства – боевых действий – между их вооружёнными силами [12], изменилась, но во многом осталась прежней. Право

войны (*jus in bello*), регулирующее чрезвычайные обстоятельства, выдержало испытание временем, претерпев при этом значительные изменения. Будучи главным хранителем человечества во время войны, в современном мире МГП так же актуально сегодня, как и в предыдущие 150 лет. И право вооруженного конфликта сохранит свое значение в будущем столько, сколько будут вестись войны.

Более того, Женевские конвенции 1949 г. сегодня приобрели универсальный характер, сделав договоры в рамках МГП юридически обязательными для всех стран мира. Поэтому мы полагаем, что следует приветствовать и поощрять повышенный интерес к МГП и осведомленность о нем, учитывая тот факт, что знание любого свода правил является предпосылкой для более эффективного их выполнения.

Нормы МГП ограничивают стороны, участвующие в вооруженном конфликте, в выборе оружия, а также в используемых ими средствах и методах ведения войны. При разработке или приобретении нового оружия государства должны определить, соответствуют ли они этим правилам МГП. Новые технологические достижения означают, что оценка законности нового оружия, с точки зрения МГП, остается жизненно важной.

Хотя МГП направлено на ограничение определенных моделей поведения в вооруженном конфликте, неизбежно будут существовать государства, негосударственные вооруженные группировки или отдельные лица, которых будет трудно или невозможно удержать от нарушения принципов МГП, независимо от применяемого наказания. Рост числа нападений террористов-смертников, направленных против мирных жителей в условиях вооруженных конфликтов и за их пределами, является вполне актуальным примером.

Другими словами, МГП, если на него полагаются как на единственный инструмент искоренения или сокращения насилия, не следует воспринимать как панацею. Политические, экономические, социальные, культурные и другие факторы, не менее кардинально влияющие на поведение людей, должны также

приниматься во внимание при рассмотрении всеобъемлющих решений в отношении любой формы насилия и ограничения его в будущем.

Список литературы

1. Heinsch, R. (2011). The Conduct of Hostilities under International Humanitarian Law – Challenges of 21st Century Warfare. Retrieved from <https://www.universiteitleiden.nl/en/research/research-projects/law/the-conduct-of-hostilities-under-international-humanitarian-law---challenges-of-21st-century-warfare>

2. Olasolo, H.; Heinsch, R.; Heinegg, W. & Kleffner, J. K. (2017). The Conduct of Hostilities and International Humanitarian Law: Challenges of 21st Century Warfare. *International Law Studies*, Vol. 93, 322-388.

3. Paulus, A., & Vashakmadze, M. (2009). Asymmetrical War and the Notion of Armed Conflict – a Tentative Conceptualization, Vol. 91, 873, 95-125.

4. OHCHR (2017). A Report on Violations and Abuses of International Humanitarian Law. Retrieved from <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/SS/ReportJuba16Jan2017.pdf>

5. UN Security Council (2019). Geneva Conventions More Crucial Than Ever, Humanitarian Experts Stress, as Security Council Marks Seventieth Anniversary of Key Instruments. 8596th Meeting on 13 August 2019, SC/13917.

6. ICRC (2007). International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts. *International Review of the Red Cross*. Vol. 89, 867, 719-757.

7. Ferraro, T. (2013). The Applicability and Application of International Humanitarian Law to Multinational Forces. *International Review of the Red Cross* (2013), 95 (891/892), 561-612.

8. Pomès, E. (2017). Technological Innovations and IHL: Challenges and Tensions. *Polish Political Science Yearbook*, Vol. 46 (2), 205-223.

9. ICCR (2011). Review of New Weapons. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/document/review-new-weapons>

10. UN SC (2013). Briefers Highlight «Prevailing Disrespect» for IHL as SC Considers Protection of Civilians in Armed Conflict. SC/11097 7019th Meeting. Re-

trieved from <https://reliefweb.int/report/world/briefers-highlight-%E2%80%98prevailing-disrespect%E2%80%99-international-humanitarian-law-security>

11. Müller, V. C. (2015). Gun control: A European perspective', *Essays in Philosophy*, 16 (2), 247-61.

12. Walsh, M. N. (1971). *War and the Human Race*. Elsevier Pub. Co, 95 pp.